

УДК 94(37)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-22-32

Оригинальное исследование

***Amicitia Caesaris et populi Romani* в Боспорском царстве: вопросы историографии**

Растегаева М.Н.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского,

Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83

E-mail: marija.rastegaeva1698@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена обзору историографии вопроса о римской внешнеполитической «дружбе» в Боспорском царстве. Несмотря на множество исследований, обращенных к проблеме римского присутствия в регионе, тема *amicitia Caesaris et populi Romani* в публикациях рассматривалась *ad hoc*, применительно лишь к некоторым правителям Боспорского царства или же вовсе неоправданно опускалась. Проявлением политики римской *amicitia* являются эпитеты *φιλόκαισαρ* и *φιλωρῳμαῖος*, которые используются в титулатуре боспорских династов вплоть до IV в. н. э. Детальное изучение царских титулов – методически необходимый подход при разработке вопроса о развитии и характере царской власти на Боспоре. Представленный обзор историографии показывает, что в исследовательской литературе на сегодняшний день сложилось два основных подхода к решению проблемы. Первый связывает получение титулов *φιλόκαισαρ* и *φιλωρῳμαῖος* боспорскими правителями с существованием определенной юридически оформленной процедуры. Второй, напротив, принципиально отвергает подобный формализм и трактует титулы *φιλόκαισαρ* и *φιλωρῳμαῖος* как проявление общей направленности политики того или иного династа. В заключение автор статьи приходит к тому, что, учитывая весь корпус доступных нам источников, окончательные ответы на ряд существующих по этой проблеме вопросов может дать лишь серьезное всестороннее изучение боспорских *φιλωρῳμαῖοι* и *φιλοκαίσαρες*, которое, к сожалению, в отечественной науке об античности пока отсутствует.

Ключевые слова: Рим, Северное Причерноморье, Боспорское царство, историография, эпиграфика, *amicitia Caesaris et populi Romani*

Для цитирования: Растегаева М.Н. 2025. *Amicitia Caesaris et populi Romani* в Боспорском царстве: вопросы историографии. *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 22–32. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-22-32

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

***Amicitia Caesaris et populi Romani* in the Bosporan Kingdom: Issues of Historiography**

Maria N. Rastegaeva

N.G. Chernyshevsky Saratov State University,
83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

E-mail: marija.rastegaeva1698@gmail.com

Abstract. The article is focused on the historiography of the Roman foreign policy of “friendship” in the Bosporan Kingdom. Despite numerous studies devoted to the problem of the Roman presence in the region, the topic of *amicitia Caesaris et populi Romani* in publications has so far been studied *ad hoc*, applicable only to some rulers of the Bosporan Kingdom, or completely unjustifiably omitted. A manifestation of the Roman

amicitia policy may be found in the epithets φιλόκαισαρ and φιλορώμαιος, which were used in the titulature of the Bosporan dynasts up until the 4th century AD. A detailed study of royal titles is a methodologically necessary approach in analyzing the development and nature of royal power in the Bosphorus. The presented review of the historiography shows that in contemporary research literature there are two main approaches to the problem. The first one associates the acquisition of the titles φιλόκαισαρ and φιλορώμαιος by the Bosporan rulers with the existence of a certain legally formalized procedure. The second one, on the contrary, fundamentally rejects such formalism and interprets the titles φιλόκαισαρ and φιλορώμαιος as a demonstration of the general direction of the policy of one or another ruler. The historiography review allows a conclusion that, taking into account the entire state of available sources, it is only comprehensive research on the Bosporan φιλορώμαιοι and φιλοκαίσαρες, that may provide definitive answers to a number of existing questions on this problem. Unfortunately, such research has not yet been implemented in the Russian classical studies.

Keywords: Rome, Northern Black Sea region, Bosporan Kingdom, historiography, epigraphy, *amicitia Caesaris et populi Romani*

For citation: Rastegaeva M.N. 2025. *Amicitia Caesaris et populi Romani* in the Bosporan Kingdom: Issues of Historiography. *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 22–32 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-22-32

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

С I в. до н. э. отношения римских «уз дружбы» распространяются на территорию Северного Причерноморья, в особенности на Боспорское царство, титулатура правителей которого часто содержит термины φιλόκαισαρ и φιλορώμαιος, перевод которых, как кажется, следует представить как «дружески настроенный по отношению к императору и Риму». Взаимоотношения Боспора и Рима не раз рассматривались исследователями XX–XXI вв. и решались они главным образом в политическом плане – был ли Боспор вассалом Рима и сумели ли римские императоры обратить его в свою провинцию. Однако во всем многообразии работ по римской тематике в Северном Причерноморье обнаружить специальные исследования, посвященные вопросам римской *amicitia*, достаточно сложно; как правило, эта проблема рассматривается вскользь или вовсе опускается, ограничиваясь лишь ссылками на работы зарубежных исследователей. Между тем необоснованно упускаются из виду региональные особенности, а также специфика этого политического института. Проблема отношений *amicitia populi Romani* не раз рассматривалась как в общих работах по римской истории, так и в специальных исследованиях. Однако целью данной статьи не является рассмотрение всей историографии, обращенной к проблемам римской внешнеполитической дружбы на территории всего средиземноморского мира; с обстоятельным обзором весьма обширного списка литературы по этому поводу можно ознакомиться в статье Х. Хайнена и А. Чошкун, опубликованной сначала на немецком, а позже на русском языках [Хайнен, Чошкун, 2005, с. 280–303; Coskun, Heinen, 2004, p. 45–75].

Объект и методы исследования

Объектом исследования является все поле предметного обращения отечественных и зарубежных исследователей к вопросу об *amicitia populi Romani* в Боспорском царстве. В целом все работы по этой теме можно разделить на две группы. В основе этого субъективного деления лежит вопрос о том, как тот или иной исследователь решает для себя задачу о юридической стороне вопроса. Большинство авторов склонны полагать, что дарование титулов φιλόκαισαρ и φιλορώμαιος боспорским правителям было связано с существованием некой формальной процедуры, юридически оформленного акта, будь то мирный договор, заключенный между двумя государствами, или же официальное утверждение Римом на боспорском престоле царей. Вторая группа исследователей,

напротив, считает, что, учитывая весь корпус доступных нам источников, говорить о какой-бы то ни было четкой и закреплённой юридически процедуре мы не можем, а потому титулы *φιλорώμαιοις* и *φίλοκαισαρ* в боспорской эпиграфике свидетельствуют скорее об общей направленности политики того или иного династа. Иными словами, главный вопрос, который существует в литературе и по сей день, звучит примерно так – другом римлян и императора можно было стать по собственной воле или только в случаях, когда сами римляне удостоивали кого-то подобного звания?

Основным методологическим принципом исследования стал принцип историзма, который позволяет рассматривать всякое явление в его развитии и конкретной исторической обусловленности. В данном случае такой подход позволил определить значение и место изучаемой проблемы в общем процессе развития отечественных и зарубежных исследований, обращенных к вопросам политической истории Боспорского царства. Вторым ведущим методом в работе был принцип объективности, который представляет собой универсальную основу исторического познания и позволяет сохранить объективный подход к изложению и оценке исторических событий и явлений, воспринимать их как объективно существовавшую историческую реальность. Кроме того, немаловажное значение имели системный и комплексный подходы. Проблемно-хронологический подход в сочетании с историко-биографическим и историко-генетическим методами позволили не просто выявить динамику развития проблемы в отечественной и зарубежной науке, но и оценить вклад отдельных исследователей в генезис и дальнейшее изучение конкретных вопросов об *amicitia populi Romani* в Боспорском царстве. Данные методы использовались с помощью таких приемов научного мышления, как наблюдение, анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия.

Результаты и их обсуждение

Начнем с первой, наиболее многочисленной группы работ, в которых авторы, как правило, рассматривают титулы *φίλοκαισαρ* и *φιλорώμαιοις* как некоторые оформленные юридически статусы правителей Боспорского царства. В.В. Латышев, крупнейший отечественный эпиграфист, касается вопроса о «римской дружбе» в сборнике статей «PONTIKA». Излагая историю Боспора I в. до н. э., он обращается к фигуре Аспурга, отмечая, что, достигнув власти силою оружия, правитель был утвержден на царстве одним из римских императоров, поскольку в надписи IOSPE I² 36 (КБН 40) он назван *φίλοκαισαρ* *καί φιλорώμαιοις* [Латышев, 1909, с. 104]²¹. Похожие выводы автор делает относительно правления Котиса I, Тиберия Юлия Рескупорида и Тиберия Юлия Савромата, в титулатуре которых также встречаются эпитеты *φίλοκαισαρ* и *φιλорώμαιοις*, свидетельствующие, по мнению автора, о том, что боспорские цари утверждались на царство римскими императорами и сохраняли верность последним [Латышев, 1909, с. 107, 112, 113].

М.И. Ростовцев ни в одной из своих работ не считал возможным назвать Боспор римской провинцией, хотя его отношения к Риму называл вассальными. В частности, эта мысль прослеживается в статьях, посвященных правлению боспорской царицы Динамии [Ростовцев, 1916, с. 1–24; Rostovtzeff, 1919, р. 88–109]. Обращаясь к так называемому второму периоду правления Динамии, он отмечает, что в это время Боспор становится «настоящим вассалом Рима», поскольку боспорская царица воздвигает памятники своим римским владыкам и благодетелям, где в посвячительных надписях она обозначается как *φιλорώμαιοις* [Ростовцев, 1918, с. 106–107]. М.И. Ростовцев рассматривает этот титул как выражение покорности и благодарности Динамии римскому императору Августу, который после смерти Полемона признал ее права на боспорский престол. Однако с этого момента

²¹ В.В. Латышев переводит эти термины как «друг Кесарей» и «друг римлян» (IOSPE I² 25, IOSPE I² 36 и др.), при этом в IOSPE I² 354 и 356, в которых упоминается боспорская царица Динамия, автор считает уместным перевод «римлянолюбивая».

на монетах перестает появляться изображение Динамии, а также ее полный титул; остается лишь скромная монограмма. Посвятительная надпись из Фанагории (IOSPE I² 356 = КБН 979), по мнению М.И. Ростовцева, также свидетельствует о том, что царица управляла Боспором от имени Августа – в ней «спасительница» Динамия упоминается как *φιλόρῳμαιος*, т. е. как римский вассал [Ростовцев, 1916, с. 18]. Как считает М.И. Ростовцев, дальнейшая вассальная зависимость от Рима на Боспоре сочетается с неограниченным абсолютизмом по отношению к подданным и выражается, прежде всего, в римском имени царя – Тиберий Юлий, которое, вероятно, уже Аспург получил вместе с римским гражданством, а также в эпитетах, которые становятся частью царской титулатуры – *φιλόκαισαρ* и *φιλόρῳμαιος* [Ростовцев, 1918, с. 121]²².

После М.И. Ростовцева тема о римской внешнеполитической «дружбе» вновь была затронута в статье Д.П. Каллистова. Автор отмечает, что в период правления императора Августа термины *φιλόκαισαρ* και *φιλόρῳμαιος* в применении к боспорским царям еще не утратили своего живого и конкретного содержания и были еще далеки от превращения в «казенный трафарет позднейшей эпохи» [Каллистов, 1940, с. 67]. Анализируя политику Аспурга, Д.П. Каллистов отмечает, что надписи, сочетающие имя боспорского царя с эпитетами *φιλόκαισαρ* και *φιλόρῳμαιος*, монеты с портретами римских императоров и связь римской и боспорской чеканки заставляют прийти к выводу о возникновении между Римом и Боспором нового типа взаимоотношений, отразившихся на финансовом суверенитете боспорского государства. При полном молчании наших источников о каких-либо акциях римского правительства на Боспоре возможно только одно предположение, а именно, что между Аспургом и Римом было заключено мирное соглашение договорного характера [Каллистов, 1940, с. 74].

Весьма существенное влияние на дальнейшую историографическую традицию о римской внешнеполитической дружбе в Северном Причерноморье оказала небольшая по объему статья Б. Наделя о посвяtitельной надписи Тиберия Юлия Реметалка (IOSPE I² 33 = КБН 47) [Надель, 1948, с. 212–214]. Вслед за Р. Мюнстербергом [Munsterberg, 1915, 317 ff.] он рассматривает эпитеты *φιλόκαισαρ* και *φιλόρῳμαιος* как греческую кальку латинского титула *amicus Caesaris populiq(ue) Romani*, поскольку в латинской надписи IOSPE I² 40 Савромат I назван *amicus Imp(eratoris) populiq(ue) R(omani) praestantissimus* [Надель, 1948, с. 212]. Бегло рассматривая боспорскую эпиграфику в попытке наполнить титулы *φιλόκαισαρ* και *φιλόρῳμαιος* конкретным содержанием, Б. Надель обращается к сведениям нарративных источников. В тексте Плутарха, где речь идет о просьбе Махара признать его другом и союзником римского народа, можно встретить фразу “*δεόμενος* (т. е. *Μαχάρης*) *Ρωμαίων ἀναγραφῆναι φίλος και σύμμαχος*” (Plut. Luc. 24.1). Автор статьи обращает внимание на глагол *ἀναγράφω*, предлагая формализованный вариант перевода – «вписывать». О том, куда Махар мог быть вписан, Б. Надель заключает на основании *senatus consultum de Asclepiade* (CIL I.203; IG XIV.951): *uti (consules) eos in amecorum formulam referundos curarent*. Исходя лишь из этого, Б. Надель считает возможным рассматривать титулы боспорских царей *φιλόκαισαρ* και *φιλόρῳμαιος* как свидетельства заключения договора о дружбе с Римом [Надель, 1948, с. 212]. Далее автор статьи переходит к рассмотрению надписи IOSPE I² 33 и делает ряд неоднозначных выводов, основанных по существу только на интерпретации ее текста. С позиций Б. Наделя, реконструкция внешнеполитической «дружбы» Рима и Боспорского царства может выглядеть следующим образом. Во-первых, как уже было отмечено выше, эпитеты *φιλόκαισαρ* και *φιλόρῳμαιος*, которые боспорские цари использовали в своей титулатуре, присваивались правителям только после заключения договора о дружбе (*amicitia*) с Римом, который не был наследственным, а обновлялся при вступлении на престол каждым новым царем, т. е. боспорские монархи должны были обновлять договор своего

²² В данном случае М.И. Ростовцев полагает, что эпитеты уместно перевести как «любящий Цезаря» и «любящий Рим», что сходно по смыслу с переводами В.В. Латышева в IOSPE I² 354 и 356. А.Б. Ашик переводит *φιλόκαισαρ* και *φιλόρῳμαιος* как «преданный императору и римлянам» [Ашик, 1848, с. 80].

предшественника, по существу заключая новый договор о дружбе [Надель, 1948, с. 213]. Во-вторых, титулы давались только после признания царя законным монахом, как это было в случаях с Фарнаком (Dio. Cass. XXXVII.14.2) и Птолемеем XI (Dio. Cass. XXXIX.12) [Надель, 1948, с. 214]. Наконец, такая внешнеполитическая дружба, подкрепленная соответствующим договором, по мнению Б. Наделя, предоставляла правителям Боспора более обширную свободу действий, что выражалось, к примеру, в возможности самостоятельно заключать союзы, как это было в ситуации с Тиберием Юлием Реметалком и *συμμαχία* с Херсонесом (IOSPE I² 423) [Надель, 1948, с. 214].

Столь же формальный подход к содержанию титулов *φίλοκαισαρ* и *φίλωρῳμαιος* был представлен в статье А.И. Болтуновой [Болтунова, 1954, с. 168–176]. Автор дает весьма безапелляционную и четкую характеристику – титулы давались римским сенатом иноземным правителям вместе с консульскими инсигниями после их официального утверждения на престоле²³. Соответственно, присвоение боспорским династам этих почетных эпитетов покоилось на определенных юридических основаниях и должно было означать принятие их во всадническое сословие, хотя на самом деле они получали лишь чисто внешние почести (*τεταί*). Реконструкция этой формальной процедуры раскрывается А.И. Болтуновой на примере Фарнака, который первым из боспорских правителей получил наименование «друга и союзника» римлян (App. Mithr. 113), однако не успел включить этот эпитет в свою официальную титулатуру, о чем говорят нам сохранившиеся надписи. Причина такого положения дел, по мнению А.И. Болтуновой, должна заключаться в том, что для внесения этого звания в официальную титулатуру нужно было, чтобы сенат утвердил акт Помпея и предоставил Фарнаку соответствующие инсигнии. В случае с Асандром схожее предприятие завершилось более успешно – он был утвержден на престоле Августом (вероятно, после формального решения сената – *М.Р.*) и первым из правителей Боспора включил в свою титулатуру эпитет *φίλωρῳμαιος* (IOSPE I² 25 = КБН 30) [Болтунова, 1954, с. 173].

Весьма спорные наблюдения можно обнаружить в статье Т.В. Блаватской [Блаватская, 1965, с. 197–209]. В связи с титулом *φίλωρῳμαιος* Т.В. Блаватская обозначает, что он являлся как бы первой ступенью в отношениях Рима с другим государством или лицом, а дальнейшие «более тесные» отношения определялись термином *socius populi Romani*. *Amici populi Romani* устанавливались специальным договором [Neumann, 1894, Sp. 1832], а имя «друга римлян» заносили в специальные списки – *amicorum formula*. Автор статьи утверждает, что титул *φίλωρῳμαιος* был дан Аспургу после заключения договора между Римом и Боспором, который предусматривал их союз в форме *amicitia*. Т.В. Блаватская полагает, что подготовка подобного договора могла вестись путем официальной переписки, а его подписание стоит связывать с вероятной поездкой Аспурга к римскому императору Тиберию [Блаватская, 1965, с. 206]. Очевидно, что содержание этого договора не отражено в источниках (впрочем, как и вообще его существование – *М.Р.*), однако «вне зависимости от конкретного содержания этот акт, несомненно, предусматривал определенную степень подчинения Боспора могучей средиземноморской империи» [Блаватская, 1965, с. 207]. Дарование Аспургу титула *φίλοκαισαρ* (IOSPE I² 36) связано, по мнению Т.В. Блаватской, с тем, что спустя некоторое время Аспург «еще более упрочил» связи с римским императором. Правда, рассуждения автора не позволяют судить о том, насколько прочными должны были стать связи между правителями Рима и Боспора, чтобы *φίλωρῳμαιος* мог стать *φίλοκαισαρ*.

Несколько статей К. Навотки посвящены взаимоотношениям Рима с населением Северного Причерноморья. Исследователь пришел к заключению, что боспорские цари вынуждены были занимать компромиссную позицию, опасаясь излишнего выражения своего суверенитета и в то же время не обнаруживая явного сервилизма [Nawotka, 1989, p. 326–338;

²³ Со ссылкой на фразу из текста Страбона о том, что боспорских правителей «назначали римляне» (“*Ρῳμαῖοι καταστήσωσιν*”. Strabo VII. 4.7).

Nawotka, 1991–1992, p. 21–48]. Присутствие эпитетов *φιλορῳμαῖος* и *φιλόκαισαρ* в титулатуре К. Навотка связывает с официальным утверждением правителей на престоле римскими властями и подписанием договора в форме *amicitia*. Так, первая боспорская надпись, напрямую связанная с Римом, была посвящена царем Асандром *φιλορῳμαῖος* (КБН 30). Но мы знаем и другую его надпись, которая не содержит этого определения (КБН 913), из чего делается вывод, что титул не употреблялся Асандром постоянно, поскольку в течение первых трех лет своего правления Асандр как не суверенный и не признанный римлянами монарх именовал себя *ἄρχων*. Он не принимал титул *βασιλεύς* (по крайней мере, в своих надписях) до того, как был назначен Марком Антонием монархом, после чего был подписан договор *amicitia* между Боспором и Римом [Nawotka, 1989, p. 328]. Примерно такая же последовательность действий сопровождала правление Аспурга – он был официально утвержден на престоле Римом, после чего подписал договор *amicitia* с императором Тиберием в 14 г. н. э. и принял от него титул *φιλορῳμαῖος* в 15 г. н. э. К. Навотка обозначает и еще один занятный момент – последующая эпиграфика, в которой к титулатуре Аспурга прибавляется *φιλόκαισαρ*, свидетельствует о том, что правители подписали дополнительный договор о дружбе, т. е. всякий раз принятие новых титулов боспорскими царями должно было подкрепляться юридическим актом [Nawotka, 1989, p. 329]. При этом остается не вполне понятным, каким образом новый статус и титулатура оговаривались в конкретных договорах об *amicitia* с Римом и нужны ли были такие комментарии вообще. Рассмотрев внутривосточную пропаганду боспорских царей от Асандра до Дуптуна, К. Навотка заключает, что царские титулы, появившиеся в надписях, с одной стороны, должны были доказать Риму лояльность боспорских монархов, а с другой – говорить собственным подданным о суверенном правлении [Nawotka, 1989, p. 333, 338].

Ряд весьма неоднозначных наблюдений относительно использования *φιλόκαισαρ* и *φιλορῳμαῖος* в титулатуре боспорских царей можно найти в работах С.Ю. Сапрыкина. Так, рассматривая золотой боспорский статер с изображением Динамии, он отмечает, что царица именовала себя *φιλορῳμαῖος* в посвящениях императору Августу и его супруге Ливии в благодарность за римское содействие в устройстве дел государственных. К жесту благодарности за этот поступок прибавляется также переименование Пантикалея и Фанагории соответственно в Кесарию и Агриппию [Сапрыкин, 1990, с. 211–212]. В более кристаллизованном виде эти рассуждения предстают в монографии автора – правители Боспора получали титул *φιλορῳμαῖος* после признания Римом законности их власти и заключения договора об *amicitia* [Сапрыкин, 2002, с. 24, 224, 246 и др.]. Титул *φιλόκαισαρ* представлял собой, если можно так выразиться, вторую ступень в развитии отношений между двумя государствами. Так, римляне посчитали возможным признать за Аспургом этот титул, а также права римского гражданства, полноту привилегий вассального монарха, инсигнии в виде курульного кресла и скипетра с портретом императора не сразу, а только после того, как боспорский царь доказал, «что может считаться верным вассалом Рима». А уже затем император Тиберий «тотчас заверил дело о признании Аспурга союзником и другом римского народа с введением его в сенаторское звание» [Сапрыкин, 2002, с. 225]. В этой связи обращают на себя внимания рассуждения автора монографии о правлении Динамии, которая стала царицей Боспора уже во время принципата Августа и, вероятно, была им признана таковой, поэтому следовало бы ожидать использование в ее титулатуре и *φιλόκαισαρ* как знак преданности императору. Однако в эпиграфике, относящейся к Динамии, мы находим лишь *φιλορῳμαῖος*. Объясняет сложившееся положение вещей С.Ю. Сапрыкин следующим образом – эпитет *φιλορῳμαῖος* появляется у Динамии как у жены царя Асандра, «друга римлян». Август, в свою очередь, не мог утвердить царицу как «друга цезаря», сохранив за ней только лишь прежний эпитет «не в последнюю очередь по политическим соображениям», – несмотря на официальную позицию поддержки Боспора и его правительницы, римский император «в глубине души не доверял внучке Митридата Евпатора и дочери Фарнака» [Сапрыкин, 2002, с. 106–107].

Вторая группа исследований, где процедура получения титулов боспорскими правителями представлена менее формальным образом, включает в себя гораздо меньшее

число работ. Н.А. Машкин останавливается на IOSPE I² 356 (КБН 979), где Динамия упоминается как *φιλορῳμαῖος*, а вместе с тем дочь великого Фарнака и внука царя царей Митридата Евпатора. Необычность, по мнению автора, здесь заключается в следующем – такие выражения, как «правитель моря и земли», употреблялись только в неофициальных надписях, связанных с культом Августа и носивших «литургический» характер [Машкин, 1949, с. 533]. Из этого следует вывод Н.А. Машкина – Динамия признавала *auctoritas* Августа, но «не считала себя вполне подчиненной ему» [Машкин, 1949, с. 533]. На деле это означало, что источником власти Динамии признавалось не пожалование императора, а легитимный принцип – происхождение от Фарнака и Митридата, при этом Август признавал ее другом римского народа. В подобном духе истолковано автором и посвящение Ливии (IOSPE IV 420 = КНБ 978), где супруга императора восхваляется как «благодетельница». Этот момент указывает не на то, что Ливия принимала участие в боспорских делах, а скорее свидетельствует о личной связи Динамии с домом Августа [Машкин, 1949, с. 533]. Таким образом, *φιλόκαισαρ* и *φιλορῳμαῖος* в титулатуре боспорских династов были, вероятно, неформальными проявлениями лояльности царей, которые находились в зависимости от Рима, однако обладали весьма обширной свободой в решении внутренних вопросов [Машкин, 1949, с. 534].

Проблеме взаимоотношений Северного Причерноморья и Рима была посвящена работа Е.С. Голубцовой [Голубцова, 1951]. Признавая зависимость Боспора от Рима в ранний период, она отрицает возможность вассальных отношений Боспора к Риму, как предположил М.И. Ростовцев, считая, что в то время оправдала себя политика не Цезаря (т. е. установление вассалитета), а Антония (т. е. политика дружбы и союза). В этом же духе трактуются ею и царские эпитеты *φιλόκαισαρ* καὶ *φιλορῳμαῖος*, которые были официальными и общепринятыми боспорскими титулами, при этом отнюдь не обозначали вассальных к Риму отношений и не всегда подразумевали, хотя и не исключали их [Голубцова, 1951, с. 99, 103–104]. Не характеризуют они конкретно и политические взаимоотношения двух государств – в данном случае Рима и Боспора; эпитеты не имели определенного значения, не давали никаких прав их обладателю, но и не связывали его никакими обязательствами [Голубцова, 1951, с. 103].

Взаимоотношения боспорских правителей с Римом входили и в круг весьма разнообразных интересов Д. Браунда. По его мнению, присутствие в титулатуре боспорских династов эпитетов *φιλορῳμαῖος* и *φιλόκαισαρ* с начала I в. до н. э. было связано с их неформальным желанием почтить римских покровителей, что, однако, не отменяло местных династических традиций – в эпиграфике благодарности императором сочетаются с упоминанием происхождения царственной особы от Митридата VI Евпатора [Braund, 1984, p. 105–106]. Исходя из содержания КБН 46, *φιλορῳμαῖος* следует рассматривать как перевод латинского *amicus populi Romani*, который мог быть как формальным титулом, присвоенным Римом, так и простым выражением дружественного отношения к римским императорам [Braund, 1984, p. 106]. На Боспоре *φιλορῳμαῖος* впервые появляется при Асандре; при Аспурге к нему добавляется *φιλόκαισαρ*, после чего оба эпитета становятся стандартной частью царской титулатуры и используются вплоть до III в. н. э. Д. Браунд рассматривает их как часть пропаганды боспорских правителей, всячески стремившихся подчеркнуть свое дружественное отношение к Риму. Автор категорически отвергает некогда популярное утверждение о том, что *φιλορῳμαῖος* указывало на сенаторское, а *φιλόκαισαρ* – на всадническое сословия римской политической структуры [Lemosse, 1967, p. 67], и выводит весьма существенное положение – использование указанных эпитетов в титулатуре зависимых от Рима правителей не подчинялось единым правилам, а было ситуативным в зависимости от правителя и от царства [Braund, 1984, p. 107].

Б. Функ вновь обращается к исследованию юридической стороны вопроса о *φιλορῳμαῖος* καὶ *φιλόκαισαρ* и приходит к тому, что в основу обоих терминов положено римское представление об *amicitia* как одной из первых, ранних ступеней сложной и многослойной системы дипломатических и федеративных отношений [Функ, 1992, с. 76–77; ср. Neuss, 1933; Kaser, 1967]. Эта система предполагала в первую очередь установление дружеских связей без каких-либо далеко идущих претензий. Риму был обеспечен нейтралитет Боспора во всех

вопросах, затрагивающих интересы империи в регионах. Взамен этого Боспору была предоставлена свобода действий в вопросах сугубо местного значения [Функ, 1992, с. 76]. Из этого он выводит и первоначальное значение терминов *φιλорώμαιος* и *φιλόκαισαρ* – «дружески настроен по отношению к Риму/цезарю». При этом он не считает, что латинский вариант *amicus imperatoris populique Romani* полностью отражает значение греческих слов. Латинский образец представляет собой твердо установившуюся часть официальной титулатуры, а греческий вариант оформлен описательным образом и применяется не всегда последовательно. Отмечены Б. Функом и различия в самом содержании понятий – «греческое *φιλорώμαιος* или же *φιλόκαισαρ* с одинаковым правом могли быть восприняты и как «друзья» по собственной воле и как те, кто удостоен римлянами быть «друзьями» последних» [Функ, 1992, с. 77–78]. Б. Функ абсолютно справедливо предлагает не переоценивать появление титулов *φιλорώμαιος* и *φιλόκαισαρ* в титулатуре боспорских царей в смысле юридически оформленного акта, который представлял бы собой итог дипломатических отношений [Функ, 1992, с. 82].

Схожие с Б. Функом рассуждения можно найти в докторской диссертации А.Р. Панова. Рассматривая правление боспорского царя Асандра, автор отмечает, что в ряде случаев титул *φιλорώμαιος* «просто выражал дружеское отношение его владельца к Риму и не соответствовал официальному званию друга и союзника римлян. Однако в большинстве случаев так именовали себя правители, включенные официально в число друзей римлян» [Панов, 2009, с. 360]. Исходя из различий греческих и латинских терминов, автор диссертации отмечает также, что в римском утверждении нуждался статус монарха вообще, а на принятие правителем дополнительных титулов и эпитетов обязательная санкция Рима не была нужна [Панов, 2009, с. 357]. При этом титулатура боспорских царей весьма успешно сочетала в себе как местные, так и римские элементы – правители именовали себя великими царями и великими царями царей, однако никто не сомневался, что их звание друзей римлян отражало зависимость от Рима [Панов, 2009, с. 360].

Последнее положение нашло отклик и среди широкого круга проблем, к которым обращался в своих исследованиях Х. Хайнен. Несмотря на то, что цари Боспора, судя по эпиграфическому материалу, охотно подчеркивали самостоятельность своей династии, они не менее охотно перечисляли и свои верноподданнические по отношению к Риму титулы – таким образом, «дружба» с Римом и «национальная» традиция выступали не как противоположности друг другу, а как двойная, взаимодополняющая конструкция [Heinen, 2006a, S. 31; Heinen, 2006c, S. 266–282; Heinen, 2006b, S. 343–358; Heinen, 2008, S. 189–208]. *Φιλорώμαιοι* и *φιλόκαισαρες*, с одной стороны, придерживались традиций эллинистических монархий, управляя государством, включавшим как греческие города, так и покоренные варварские народы, а с другой – все больше демонстрировали свои связи с римским народом и императором, подчеркивая это краткими и емкими эпитетами в своей титулатуре [Heinen, 2008, S. 189].

К сожалению, многие из начинаний Х. Хайнена так и не были завершены в связи с его уходом в 2013 г. Однако на базе Трирского университета им и рядом его коллег был создан проект «*Amici populi Romani*», успешно функционирующий и сегодня. Проект посвящен изучению «дружеских» внешнеполитических отношений Рима с государствами Средиземноморского региона, включая и Северное Причерноморье, в первую очередь Боспорское царство [Хайнен, Чошкун, 2005, с. 280–303; Coskun, Heinen, 2004, р. 45–75]. Огромное значение как для этого проекта, так и для исследования темы о «римской дружбе» вообще имеет созданная просопографическая база данных APR²⁴, а также уже сложившаяся традиция проведения международных конференций²⁵ и семинаров²⁶.

²⁴ Интернет-портал «*Amici Populi Romani*». Genealogical Tables of the Graeco-Roman World. – URL: <https://www.altaycoskun.com/apr> (дата обращения: 24.11.2024).

²⁵ Там же. – URL: <https://www.altaycoskun.com/conferences-1> (дата обращения: 24.11.2024).

²⁶ Там же. – URL: <https://www.altaycoskun.com/apr-workshop-1> (дата обращения: 24.11.2024).

Заключение

Вероятно, обозначенные выше вехи историографии сами по себе говорят о достаточно обширной истории изучения вопроса *amicitia populi Romani* в Северном Причерноморье, прежде всего, на Боспоре. Однако и на сегодняшний день у исследователей не сложилось определенной позиции о «римской дружбе» на Боспоре, в частности относительно эпитетов *φιλόκαισαρ* и *φιλορῶμαιος* в титулатуре боспорских династов. Можем ли мы говорить о конкретной юридической оформленной процедуре, которая предшествовала принятию этих титулов? Или это была лишь инициатива боспорской стороны? Насколько *φιλόκαισαρ* и *φιλορῶμαιος* соответствовали сухому и официальному латинскому *amicus imperatoris populi Romani*, которое находим в КБН 46? Пожалуй, ответы на эти и ряд вытекающих из них вопросов может дать лишь серьезное всестороннее изучение боспорских *φιλορῶμαιοι* и *φιλοκαίσαρες*, а не рассуждения авторов *ad hoc* в духе «данное предположение доказывает». Действительно, продолжающий активную работу Трирский проект затрагивает и боспорскую проблематику, и пришедший на смену Х. Хайнену А. Чошкун весьма часто публикует соответствующие обстоятельные исследования²⁷. Однако, к сожалению, аналогичные по тематике и масштабу отечественные работы на сегодняшний день отсутствуют, несмотря на то, что они могли бы внести серьезные дополнения по вопросу о развитии и характере царской власти на Боспоре, а также в целом о римском влиянии в Северном Причерноморье.

Список литературы

- Ашик А.Б. 1848. Боспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Ч. 1. Одесса, типография Т. Неймана и К. 494 с.
- Блаватская Т.В. 1965. Рескрипты царя Аспурга. *Советская археология*, 2: 197–209.
- Болтунова А.И. 1954. К надписи IOSPE, II, 400. *Вестник древней истории*, 1: 168–176.
- Голубцова Е.С. 1951. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. Москва, изд-во Академии Наук СССР. 136 с.
- Каллистов Д.П. 1940. Политика Августа в Северном Причерноморье. *Вестник древней истории*, 2: 65–77.
- Латышев В.В. 1909. ПОНТИКА. Санкт-Петербург, типография Императорской Академии Наук. 430 с.
- Машкин Н.А. 1949. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. Москва; Ленинград, изд-во Академии Наук СССР. 686 с.
- Надель Б. 1948. Боспорская надпись IOSPE, II, 33. *Вестник древней истории*, 3: 212–214.
- Панов А.Р. 2009. Взаимоотношения Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в период поздней республики – ранней империи (II в. до н. э. – начало II в. н. э.). Дисс. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород. 634 с.
- Ростовцев М.И. 1916. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа. *Древности*, XXV. Москва, Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон: 1–24.
- Ростовцев М.И. 1918. Эллинство и иранство на Юге России. Петроград, Огни. 190 с.
- Сапрыкин С.Ю. 1990. Уникальный статер боспорской царицы Динамии. *Советская археология*, 3: 204–214.
- Сапрыкин С.Ю. 2002. Боспорское царство на рубеже двух эпох. Москва, Наука. 271 с.
- Функ Б. 1992. Проримская ориентация в титулатуре боспорских царей. *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург, Глаголь: 74–93.
- Хайнен Х., Чошкун А. 2005. *Amici populi Romani*. Презентация трирского проекта «Внешние друзья Рима». *Antiquitas aeterna I*. Казань, изд-во Отечество: 280–303.
- Braund D. 1984. Rome and the Friendly King. The Character of the Client Kingship. London, Croom Helm; New York, St. Martin's Press. 226 p.
- Coskun A., Heinen H. 2004. Amici populi Romani. Das Trierer Projekt "Roms auswärtige Freunde" stellt sich vor. *Ancient Society* 34: 45–75.
- Heinen H. 2006a. Antike am Rande der Steppe. Der nördliche Schwarzmeerraum als Forschungsaufgabe. Mainz; Stuttgart, Franz Steiner Verlag. 91 S.

²⁷ Основные публикации А. Чошкуна по вопросам изучения «римской дружбы» в Северном Причерноморье представлены на его сайте URL: <https://www.altaycoskun.com/publications-3> (дата обращения: 24.11.2024).

- Heinen H. 2006b. Die mithradatische Tradition der bosporanischen Könige – ein mißverständener Befund. *Vom hellenistischen Osten zum römischen Westen. Ausgewählte Schriften zur Alten Geschichte*. Stuttgart, Steiner: 343–358.
- Heinen H. 2006c. Mithradates von Pergamon und Caesars bosporanische Pläne. Zur Interpretation von Bellum Alexandrinum 78. *Vom hellenistischen Osten zum römischen Westen. Ausgewählte Schriften zur Alten Geschichte*. Stuttgart, Steiner: 266–282.
- Heinen H. 2008. Romfreunde und Kaiserpriester am Kimmerischen Bosporos. Zu neuen Inschriften aus Phanagoreia. *Freundschaft und Gefolgschaft in den auswärtigen Beziehungen der Römer (2. Jh. v.Chr. – 1. Jh. n.Chr.)*. Frankfurt/M., Peter Lang Verlag: 189–208.
- Heuss A. 1933. Die volkerrechtlichen Grundlagen der römischen Aussenpolitik in republikanischer Zeit. *Klio*, 31. Leipzig, Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung. 119 S.
- Kaser M. 1967. Römische Rechtsgeschichte. Göttingen, Vandenhoeck. 327 S.
- Lemosse M. 1967. Le régime des relations internationales dans le Haut – Empire romain. Paris, Librairie Sirey. 217 p.
- Munsterberg R. 1915. Verkannte Titel auf griechischen Münzen. *Jahreshefte des österreichischen archäologischen Instituts in Wien XVIII*: 307–324.
- Nawotka K. 1989. The Attitude Towards Rome in the Political Propaganda of the Bosporan Monarchs. *Latomus* 48: 326–338.
- Nawotka K. 1991–1992. Asander of the Bosporus: his Coinage and Chronology. *American Journal of Numismatics* 3/4: 21–48.
- Neumann K. 1894. Amicus populi Romani. *Real-Encyclopädie der classischen Alterthumswissenschaft* 1. Stuttgart: J.B. Metzler Verlag. Sp. 1832.
- Rostovtzeff M. 1919. Queen Dynamis of Bosporus. *Journal of Hellenic Studies* 39: 88–109.

References

- Ashik A.B. 1848. Bosporskoe tsarstvo s ego paleograficheskimi i nadgrobnyimi pamyatnikami, raspisnymi vazami, planami, kartami i vidami [The Bosporan Kingdom with its Paleographic and Tombstone Monuments, Painted Vases, Plans, Maps and Views]. Part 1. Odessa, tipografiya T. Neymana i K. 494 p.
- Blavatskaya T.V. 1965. Reskripty tsarya Aspurga [Rescripts of Tsar Aspurg]. *Sovetskaya arkheologiya*, 2: 197–209.
- Boltunova A.I. 1954. K nadpisi IOSPE, II, 400 [To the Inscription IOSPE, II, 400]. *Vestnik drevney istorii*, 1: 168–176.
- Golubtsova E.S. 1951. Severnoe Prichernomor'e i Rim na rubezhe nashey ery [The Northern Black Sea Region and Rome at the Turn of Our Era]. Moscow, izd-vo Akademii Nauk SSSR. 136 p.
- Kallistov D.P. 1940. Politika Avgusta v Severnom Prichernomor'e [Augustus' Policy in the Northern Black Sea Region]. *Vestnik drevney istorii*, 2: 65–77.
- Latyshev V.V. 1909. PONTIKA [ΠΟΝΤΙΚΑ]. Sankt-Peterburg, tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk. 430 p.
- Mashkin N.A. 1949. Printsipat Avgusta. Proiskhozhdenie i sotsial'naya sushchnost' [Principate of Augustus. Origin and Social Essence]. Moscow; Leningrad, izd-vo Akademii Nauk SSSR. 686 p.
- Nadel' B. 1948. Bosporskaya nadpis' IOSPE, II, 33 [Bosporan inscription IOSPE, II, 33]. *Vestnik drevney istorii*, 3: 212–214.
- Panov A.R. 2009. Vzaimootnosheniya Rima s gosudarstvami Severnogo Prichernomor'ya i Zakavkaz'ya v period pozdney respubliki – ranney imperii (II v. do n. e. – nachalo II v. n. e.) [Relations between Rome and the States of the Northern Black Sea Region and Transcaucasia during the Period of the Late Republic – Early Empire (2nd Century BC – Early 2nd Century AD)]. Diss. ... d-ra ist. nauk. N. Novgorod. 634 p.
- Rostovtsev M.I. 1916. Bronzovyy byust bosporskoy tsaritsy i istoriya Bospora v epokhu Avgusta [Bronze Bust of the Bosporan Queen and the History of the Bosporus in the Era of Augustus]. *Drevnosti*, XXV. Moscow, Tovarishestvo skoropechatni A.A. Levenson: 1–24.
- Rostovtsev M.I. 1918. Ellinstvo i iranstvo na Yuge Rossii [Hellenism and Iranism in the South of Russia]. Petrograd, Ogni. 190 p.
- Saprykin S.Yu. 1990. Unikal'nyy stater bosporskoy tsaritsy Dinamii [Unique Stater of the Bosporan Queen Dynamis]. *Sovetskaya arkheologiya*, 3: 204–214.

- Saprykin S.Yu. 2002. Bosporskoe tsarstvo na rubezhe dvukh epoch [The Bosporan Kingdom at the Turn of Two Eras]. Moscow, Nauka 271 p.
- Funk B. 1992. Prorimskaya oriyentatsiya v titulature bosporskikh tsarey [Pro-Roman Orientation in the Titulature of the Bosporan Kings]. *Etyudy po antichnoy istorii i kul'ture Severnogo Prichernomor'ya*. Sankt-Peterburg, Glagol': 74–93.
- Khaynen Kh., Choshkun A. 2005. Amici populi Romani. Prezentatsiya trirskogo proyekta "Vneshnie druz'ya Rima" [Amici populi Romani. Presentation of the Trier Project "External Friends of Rome"]. *Antiquitas aeterna I*. Kazan', izd-vo Otechestvo: 280–303.
- Braund D. 1984. Rome and the Friendly King. The Character of the Client Kingship. London, Croom Helm; New York, St. Martin's Press. 226 p.
- Coskun A., Heinen H. 2004. Amici populi Romani. Das Trierer Projekt "Roms auswärtige Freunde" stellt sich vor. *Ancient Society* 34: 45–75.
- Heinen H. 2006a. Antike am Rande der Steppe. Der nördliche Schwarzmeerraum als Forschungsaufgabe. Mainz; Stuttgart, Franz Steiner Verlag. 91 S.
- Heinen H. 2006b. Die mithradatische Tradition der bosporanischen Könige – ein mißverständener Befund. *Vom hellenistischen Osten zum römischen Westen. Ausgewählte Schriften zur Alten Geschichte*. Stuttgart, Steiner: 343–358.
- Heinen H. 2006c. Mithradates von Pergamon und Caesars bosporanische Pläne. Zur Interpretation von Bellum Alexandrinum 78. *Vom hellenistischen Osten zum römischen Westen. Ausgewählte Schriften zur Alten Geschichte*. Stuttgart, Steiner: 266–282.
- Heinen H. 2008. Romfreunde und Kaiserpriester am Kimmerischen Bosporos. Zu neuen Inschriften aus Phanagoreia. *Freundschaft und Gefolgschaft in den auswärtigen Beziehungen der Römer (2. Jh. v.Chr. – 1. Jh. n.Chr.)*. Frankfurt/M., Peter Lang Verlag: 189–208.
- Heuss A. 1933. Die volkerrechtlichen Grundlagen der römischen Aussenpolitik in republikanischer Zeit. *Klio*, 31. Leipzig, Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung. 119 S.
- Kaser M. 1967. Römische Rechtgeschichte. Gottingen, Vandenhoeck. 327 S.
- Lemosse M. 1967. Le régime des relations internationales dans le Haut – Empire romain. Paris, Librairie Sirey. 217 p.
- Munsterberg R. 1915. Verkannte Titel auf griechischen Munzen. *Jahreshefte des österreichischen archäologischen Instituts in Wien XVIII*: 307–324.
- Nawotka K. 1989. The Attitude Towards Rome in the Political Propaganda of the Bosporan Monarchs. *Latomus* 48: 326–338.
- Nawotka K. 1991–1992. Asander of the Bosporus: his Coinage and Chronology. *American Journal of Numismatics* 3/4: 21–48.
- Neumann K. 1894. Amicus populi Romani. *Real-Encyclopädie der classischen Alterthumswissenschaft* 1. Stuttgart: J.B. Metzler Verlag. Sp. 1832.
- Rostovtzeff M. 1919. Queen Dynamis of Bosporus. *Journal of Hellenic Studies* 39: 88–109.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 26.11.2024

Received 26.11.2024

Поступила после рецензирования 10.02.2025

Revised 10.02.2025

Принята к публикации 12.02.2025

Accepted 12.02.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Растегаева Мария Николаевна, аспирант, кафедра истории древнего мира, Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия

Mariya N. Rastegaeva, Postgraduate, Department of Ancient History, N.G. Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russia

 [ORCID: 0000-0002-9744-637X](https://orcid.org/0000-0002-9744-637X)